
Как стать ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ

Практика социальных исследований

Сергей Антонов

Сергей Антонов

**Как стать исследователем.
Практика социальных
исследований**

«Автор»

2026

Антонов С.

Как стать исследователем. Практика социальных исследований /
С. Антонов — «Автор», 2026

Диплом скоро, а собственной мысли всё ещё нет? Можно месяцами собирать цитаты и так и не понять, что вы исследуете. Эта книга поможет сдвинуться с места: заметить вопрос в повседневной жизни, сузить тему до посильной задачи, найти литературу и провести глубинное интервью, из которого получится материал для работы. Живые лекции с вопросами студентов показывают, как перестать прятаться за чужими теориями и начать делать собственные выводы. Откройте её до того, как потратите ещё месяц на тему, которую невозможно раскрыть. Первая самостоятельная работа начинается с вопроса, на который вам действительно хочется ответить.

© Антонов С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Зачем изучать социологию	5
Глава 2. Как читать книги	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Как стать исследователем. Практика социальных исследований

Глава 1. Зачем изучать социологию

Здравствуйте! Я очень рад оказаться перед студентами бакалавриата и пообщаться с вами. Но, произнеся эти слова, я почувствовал неловкость: вряд ли они вас убедили. Сейчас только первая неделя семестра, а все наши занятия проходят в первом семестре. Возможно, преподаватель, который выступал перед вами раньше, тоже начинал со слов: «Я очень рад провести с вами это занятие». И следующий преподаватель, вероятно, скажет то же самое. Получается дежурная фраза. Я же говорю совершенно искренне, но мои слова всё равно звучат блекло и скучно. Как доказать, что я действительно так думаю? Задача непростая. Думаю, в будущем вам не раз придётся убеждать людей, подкрепляя свои слова аргументами. Как это сделать? Как обосновать своё утверждение? Попробую показать на собственном примере. Слушайте внимательно: я объясню, почему сказал, что очень рад прийти сюда и читать лекции студентам бакалавриата.

В Германии жил выдающийся социолог Карл Манхайм. Обобщая различия между традиционным и современным обществом (разумеется, этим занимались и другие крупные социологи), он отмечал, что духовная жизнь традиционного общества строится на твёрдых убеждениях. В современном же обществе усиливается скептицизм: люди всё реже принимают что-либо на веру. Речь не просто о том, что люди перестали разделять взгляды своих родителей. Сама уверенность в незыблемости привычных представлений постепенно исчезает из нашей духовной жизни.

Мы и сами такие: нам трудно принимать что-либо на веру, зато сомневаться мы привыкли. Как же этот скептицизм влияет на человека? Он лишает внутренней опоры: словно оказываешься между небом и землёй, в состоянии мучительной неопределённости. Ощущение, прямо скажем, неприятное. Но что поделаешь: нам уже трудно верить во что-то так же безоговорочно, как верили наши отцы. В каждой теории мы видим недостатки. Именно в таком состоянии и живём. Манхайм говорил, что почти каждый человек переживает период подобной неопределённости. Что это за период? Юность.

В это время дух переживает бурный период, и человек не хочет принимать многие истины, которые ему внушают родители. Он задает вопросы: «Почему так происходит? Почему это так несправедливо? Почему это так абсурдно?» Это может иметь отношение к его будущему, а может и нет, но эти сомнения приводят к тому, что душа подростка становится очень беспокойной. Он сомневается во многих наставлениях старшего поколения и хочет переосмыслить их. Манхайм говорил, что это характерная черта одного из этапов жизни. Когда подростковый период проходит, когда они находят более приличную работу, они выходят из этого состояния неопределённости.

Возможно, они становятся уважаемыми офисными работниками, ведут законопослушную жизнь, а их мысли уже не такие безумные и скептические, как раньше. Какую пользу им принесли те годы? Этот период душевной бури расширил горизонты их познания. Несмотря на то что впоследствии они будут жить по правилам, те годы духовного беспокойства помогли им впитать в себя много разнородных знаний, что принесло им огромную пользу на всю жизнь. Но у большинства людей такое «подвешенное» состояние длится лишь этот один период. Лишь немногие, очень редкие люди, на протяжении всей жизни остаются в духовном подвешенном состоянии — это не очень приятно, но ничего не поделаешь.

Эта небольшая группа людей — чудаки, которых мы называем «интеллектуалами». К сожалению, я сам являюсь одним из членов этой небольшой группы чудаков. Находясь всю жизнь в таком состоянии неопределённости, очень трудно твёрдо привязаться к какой-то идее, слиться с ней воедино, искренне и непоколебимо верить в неё на всю жизнь. Так где же для таких людей, как мы, лучшее место для жизни? Где лучшее сообщество? Прямо здесь. Почему? Если мы окажемся в любом другом уголке общества, люди скажут, что мы больны: «Это не имеет отношения к твоим интересам, зачем тебе так волноваться? Зачем тебе заботиться об этих вещах?» Для нас только это место является лучшим.

Почему? Потому что все присутствующие здесь также находятся в состоянии духовной неопределённости. Небеса даровали вам этот период, когда вам нелегко поверить, но вы готовы переосмыслить некоторые вещи. Мы — чудаки, и такими останемся на всю жизнь. Мы посвящаем всю свою жизнь этому месту, и это совпадает с одним из ваших жизненных этапов. Вы уходите, и со временем становитесь всё более спокойными. А на смену вам приходит новая группа беспокойных молодых людей — так уж устроено по возрасту. Таким образом, один беспокойный «старый подросток» оказывается в компании группы беспокойных подростков. Вы стали для меня защитной зоной, здесь меня не будут высмеивать и подозревать в психическом расстройстве: как можно в таком возрасте все время интересоваться какими-то непонятными вещами? Здесь этого не будет, не только не будет насмешек, но иногда я даже могу заслужить аплодисменты, что действительно приводит меня в восторг. Я прихожу сюда не ради работы, а ради удовольствия, как в игру.

Студенты, в зависимости от уровня образования и возраста, делятся на три группы: студенты бакалавриата, магистранты и аспиранты. Почему я говорю, что сегодня особенно рад? Магистранты и аспиранты с возрастом становятся всё более расчётливыми, их детская непосредственность всё больше стирается, а невинное стремление к знаниям сильно притупляется. Я слышал, что многие известные профессора в США с наибольшим удовольствием читают лекции студентам бакалавриата. Сейчас и Комиссия по образованию, и наш университет призывают профессоров вести занятия со студентами бакалавриата. Такому человеку, как я, не нужно об этом напоминать — я с радостью прихожу на лекции. Я очень хорошо понимаю, почему те известные зарубежные профессора так охотно ведут занятия для студентов бакалавриата. В вас заложено особое дарование: в этом возрасте жажда знаний наиболее сильна, вы полны духа сомнения, у вас нет никаких табу, вы смело спорите с преподавателем, не стеснясь указывать ему пальцем, и ещё не научились вежливости.

Это было моё вступительное слово. Я рад, что пришёл сюда, чтобы читать лекции на курсе для студентов бакалавриата. Это не просто вежливая фраза; причины моей радости, возможно, не совсем такие же, как у других преподавателей, и я подготовил для себя особое обоснование.

Теперь позвольте мне представиться. Я родился в Пекине, но мой родной край не здесь, и его происхождение уже невозможно установить. Поскольку дед в раннем детстве остался сиротой, известно лишь, что его родители переехали из Шаньдуна на Северо-Восток, но конкретное место происхождения неизвестно. В детстве дед был «беспризорником» на Северо-Востоке. Я родился в 1950 году, учился в начальной и средней школе в этом городе. В третьем классе средней школы началась «Культурная революция», из-за чего я задержался в школе ещё на два года — в общей сложности я проучился там пять лет, но получил лишь аттестат об окончании средней школы.

Затем я уехал на ферму в провинцию Хэйлунцзян: уехал в 1968 году, вернулся в 1977-м. Позже поступил в вуз, учился в трёх учебных заведениях и получил две ученые степени. В 1977 году сдал вступительные экзамены и поступил на исторический факультет Столичного педагогического университета. Проучился там полтора года, после чего поступил в аспирантуру на кафедру мировых религий при Институте аспирантуры Китайской академии социаль-

ных наук, где получил степень магистра философии. После окончания учебы начал заниматься социологией. Потом снова уехал за границу — на полтора года учился в Университете Денвера в США. Университет предоставил мне стипендию для обучения в докторантуре, но, проучившись половину срока, я решил не продолжать обучение, и университет присвоил мне степень магистра — это было в 1985–1986 годах. За время работы в области социологии я сменил четыре учреждения: Институт социологии Пекинской академии социальных наук, Институт социологии Китайской академии социальных наук, факультет социологии Китайского народного университета и, наконец, факультет социологии Пекинского университета. Я — настоящий «старый партизан». Станет ли Пекинский университет моим окончательным пристанищем? Человеческие планы не всегда сбываются. В любом случае, в моих жилах течет кровь старого партизана.

Почему я решил читать этот курс? Я заинтересовался и узнал, что на нашем факультете такого курса нет. А я читал этот курс в Китайском народном университете. Кроме меня, в Китайском народном университете никто больше не читал этот курс. Я считаю, что этот курс крайне необходим. Мне кажется, что университет, особенно гуманитарный, в первую очередь учит студентов трем вещам: читать, думать и писать. Конечно, помимо этого, студенты технических и естественных факультетов ещё должны учиться проводить эксперименты. Мы также должны учиться проводить социологические исследования. Но независимо от факультета, эти три вещи, пожалуй, являются самыми важными.

Конечно, каждая из них имеет свою самостоятельность, но следует сказать, что написание научной работы является наиболее комплексным занятием. То есть уровень научной работы фактически отражает, насколько хорошо вы читаете, а также показывает, как вы мыслите: есть ли в ваших размышлениях глубина и оригинальность. Другими словами, если вы хорошо справитесь с написанием дипломной работы, то и в двух других аспектах вы также улучшите свои навыки. И наоборот, если вы плохо читаете, читаете мало и не мыслите глубоко, то и дипломную работу вы напишете плохо. Это взаимосвязанные и взаимодополняющие вещи. Когда я читал этот курс в Китайском народном университете, я не говорил так долго.

Один кредит, 16 занятий, я читал 8 раз. Изначально я хотел преподавать именно так, но в нашем университете правила в этом отношении довольно жесткие. Самый короткий курс — два занятия в неделю, 16 недель, 32 занятия, так что пришлось расширить программу. После расширения тема курса фактически изменилась. Я говорю, что студенты гуманитарных факультетов изучают три вещи. Мой курс в основном посвящён написанию научных работ, но помимо этого я также хочу поговорить о том, как читать книги и как мыслить. Поэтому название курса я немного изменил: «Научная работа и научная деятельность». В этом семестре наш курс состоит из 8+8. Я буду читать лекции в течение 8 недель (16 занятий). Затем каждый из вас предложит тему научной работы. Оставшееся время мы посвятим обсуждению тем каждого из студентов.

Итак, перейдем к первой лекции: зачем изучать социологию?

I. Удовольствие и польза

Для начала поговорим об одной паре понятий: «любовь» и «полезность». Любовь и полезность — это разные вещи, но их можно рассматривать вместе, потому что они объединяются в одном явлении. В каком? Любовь и полезность часто становятся движущей силой какого-либо поведения. Почему вы так усердно учитесь? Возможно, потому что вам это нравится. А может быть, вы считаете, что это поможет вам найти работу — это в узком смысле; в более широком смысле вы считаете, что изучение этой дисциплины может помочь улучшить жизнь общества, и у вас большие амбиции. На самом деле разница между «любовью» и «полезностью» очень велика. Насколько велика?

Настолько, что если человек особенно любит заниматься чем-то, он становится слепым: «Полезно это или нет — я всё равно буду этим заниматься; полезно это или нет — я всё

равно буду читать эту книгу». Человек, который что-то особенно любит, абсолютно не обращает внимания на то, полезно это или нет. Я часто подшучиваю над телерепортерами: во время интервью они часто спрашивают людей: «Почему вам так нравится это?» Это бессмысленный вопрос, так спрашивать нельзя — любовь не нуждается в объяснениях. Такой вопрос, по сути, граничит с невежеством. Это все равно что я спрошу вас: «Я слышал, что вы очень любите яблоки. Почему вам нравятся яблоки?»

Откуда мне знать, почему я люблю яблоки? Я просто не могу с собой поделаться. Правильно? Я просто люблю яблоки, ничего не поделаешь. Это как если бы вы спросили молодого парня: «Почему ты всё время смотришь на красивых девушек? Почему?» Откуда мне знать, почему? Увлечение чем-то не поддаётся объяснению. Подумайте, разве не так? Напротив, можно спросить, как вы добываете яблоки, как вам удаётся постоянно иметь их в наличии — вот о таких вещах можно спрашивать. А вот почему вам это нравится — объяснить невозможно. Я не знаю почему, я просто не могу себя контролировать.

Любить какое-то занятие, любить какую-то книгу, любить осваивать какое-то ремесло, быть увлечённым каким-то ремеслом — такие люди легко попадают в ловушку, когда не задумываются о том, есть ли в этом польза. Ребёнок просто любит играть в футбол. А какая от этого польза? Не знаю, это слишком рационально, он об этом не думает. Когда ты придумываешь ему какие-то обоснования, говоря, что в этом есть польза, твои обоснования не обязательно верны. Ты говоришь, что это для здоровья, а он ломает ногу, играя в футбол. Посмотри на меня: в детстве я любил выходить на беговую дорожку и соревноваться с другими. В трудные времена я занимался средне- и длиннодистанционным бегом и стал чемпионом класса. На самом деле в то время я даже не был сыт, и тренироваться было хуже, чем не тренироваться. Если бы я не тренировался, я был бы немного выше, чем сейчас, и в лучшей физической форме. Некоторые вещи делаются не ради пользы. Взрослые говорят, что это приносит такую-то пользу — чепуха. Человек делает это не потому, что это полезно, а потому, что ему это нравится. Конечно, мы можем глубоко проанализировать, какая от этого польза, и, возможно, она есть. На самом деле те, кто с упорством задают вопросы, — это либо те, кому это не нравится, либо посторонние. Посторонние очень хладнокровны.

Зачем мы изучаем социологию? Это вопрос, заданный очень серьёзно. Он требует теоретического обоснования. Возможно, он так настойчиво спрашивает именно потому, что ему это не нравится. Именно потому, что ему это не нравится, он обнаружил проблему. Тем, кому это нравится, не нужно задавать таких вопросов. Итак, первое, что я хочу тебе сказать: если это дело полезно, но тебе не нравится, значит, оно тебе не подходит. Под «полезностью» я подразумеваю как способность решать проблемы общества и помогать людям, так и возможность в будущем зарабатывать этим на жизнь. Допустим, изучать это довольно легко, и в будущем это может приносить неплохой доход, но подумай хорошенько: если тебе это не нравится, я советую тебе, как, если есть другой выход, найти то, что тебе нравится, сделать это своим источником дохода — тогда ты будешь заниматься этим с удовольствием и тебе будет легче добиться успеха. Напротив, если какая-то профессия, судя по всему, довольно полезна, но, как бы ты ни думал, тебе она всё равно не нравится, то, если можно, лучше не заниматься ею. Другими словами, только то, что нравится, можно делать хорошо; если не нравится — меняй сферу деятельности. Если есть возможность переквалифицироваться, не мучай себя этим.

Можно ли, даже если тебе нравится, спрашивать, полезно это или нет? Конечно, можно. Нельзя просто слепо следовать своему увлечению. Что такое философия? Философия — это наука о понимании. Можно ли действовать вслепую? Нет. Даже если тебе это очень нравится, ты можешь теоретически обдумать, полезно ли это. И все-таки именно те, кому это не нравится, помогают нам задать очень хороший вопрос.

II. Какая польза от социологии

Далее поговорим о том, какая польза от социологии. Без сомнения, все присутствующие здесь в будущем разделится на две группы: одни будут зарабатывать на жизнь социологией, а другие — попрощаются с ней. Каково соотношение этих двух групп? Оно зависит от конкретного учебного заведения. В вузах с более низким уровнем подготовки, возможно, большая часть студентов, изучающих социологию, в будущем не будет заниматься социологическими исследованиями, а пойдет работать в государственные органы, СМИ, предприятия и т. д. — в самые разные сферы. Напротив, в более престижных вузах доля студентов факультета социологии, которые в будущем займутся профессиональными социологическими исследованиями, будет выше.

Насколько выше? Я не знаю. Думаю, это исследование может стать темой дипломной работы для студентов бакалавриата и даже магистратуры. Кто может сказать точно? Мало кто может ответить на этот вопрос. Имеет ли смысл выяснить этот факт? Есть ли в этом ценность? Как это без смысла? Конечно, имеет смысл. Выяснить это несложно. Например, можно проанализировать, куда ушли выпускники бакалавриата и магистратуры нашего университета с момента открытия факультета социологии: сколько человек занимаются социологией, сколько — нет, и как распределяются те, кто не занимается социологией. На самом деле, помимо социологии, то же самое касается и других дисциплин: изучение чего-то не обязательно означает, что этим и займёшься. Все это — ещё не выясненные базовые факты, которые безусловно заслуживают проведения исследования и написания научной работы. Это небольшая тема, небольшая тема, касающаяся выбора темы.

Продолжим. Ответы двух групп людей на вопрос о полезности социологии различаются. Для тех, кто в будущем планирует заниматься социологией, вопрос о том, полезна ли социология, фактически равносителен вопросу: какую пользу эта работа приносит обществу? Как эта работа способствует благополучию общества? А как обстоит дело с другой группой людей? По окончании четырёх лет обучения они, возможно, пойдут работать в государственные органы, в СМИ или в бизнес. Для этих людей эти четыре года — это то, чему придётся учиться в любом случае, так как они уже «попали в эту лодку». Какая польза для них от изучения всего этого? Как это поможет им в будущей работе, в повышении профессиональной компетентности? Какую пользу это принесёт при поиске работы, не связанной с социологией? На эти вопросы я и хочу дать вам ответ. То есть мы преобразуем предыдущий вопрос о пользе в два вопроса: во-первых, какую пользу приносит социология обществу? Во-вторых, какую помощь изучение социологии оказывает в выполнении других социальных ролей, например, предпринимателя, чиновника или журналиста?

Я хочу сказать, что изучение социологии — это освоение определенного способа мышления, метода анализа проблем. Как я уже упоминал ранее, Манхейм утверждал, что основной чертой традиционного общества является уверенность, а основной чертой современного общества — дух скептицизма, причем эта черта становится все более заметной: уверенность уходит, и мы прощаемся с традиционным обществом. Почему в традиционном обществе сформировалась такая черта? Потому что это было статичное общество, в котором изменения происходили очень медленно. В обществе, где изменения минимальны, опыт старшего поколения, в целом, может служить руководством в вашей жизни, поскольку общество, в котором вы живете, практически не изменилось по сравнению с тем, в котором жили ваши предки, и между ними нет существенных различий. Это похоже на спектакль: если текст пьесы не меняется, то чем старше актер, тем лучше он его знает. Если же текст постоянно меняется, у опытного актера не остается никаких преимуществ.

Есть пословица, которая давно вошла в академическую среду, особенно её любят повторять экономисты: «Нет ничего нового под солнцем». Эта фраза в большей степени верна в контексте традиционного общества, но в современном обществе дело обстоит иначе. Мы всё чаще сталкиваемся с чем-то новым под солнцем, и это действительно очень ново, например, то,

что однополые пары могут вступать в брак. Хотя однополые отношения и не являются чем-то новым под солнцем — они существовали и раньше. Кто-то говорит, что это физиологическое явление, но раньше однополые пары не могли вступать в брак, не так ли? Возможно, совсем скоро будут клонированы наши братья и сестры. Это новое явление, не так ли? Безусловно. Студенты, поразмыслите над этим — вы сможете придумать вещи, которые будут чрезвычайно новыми. Под солнцем есть новые явления. Именно потому, что под солнцем есть новые явления, некоторые наставления наших родителей из традиционного общества не могут полностью определять нашу жизнь. Поэтому мы вынуждены усомниться в их наставлениях — не потому, что они ошибочны, а потому, что общество изменилось. Резкие перемены в обществе приводят к изменению образа мышления и ценностных ориентиров людей.

Социология, фиксируя и осмысливая эти изменения, усилила значение такого понятия, как рефлексия. Рефлексия — это характерная черта современного общества. Почему же современному обществу нужна рефлексия? Почему современное общество не может просто запомнить некоторые догмы и жить, руководствуясь ими? Потому что многие догмы наших предков не могут служить ориентиром для нашей сегодняшней жизни. А мы сами не знаем, как поступить: мы идём по пути, по которому ещё никто не шёл, и не знаем, как идти дальше. Что же делать? Сделать несколько шагов, оглянуться назад и поразмыслить, правильно ли мы пошли. Если пошли не туда, нужно поспешно сменить путь.

Мы вынуждены сделать три шага вперёд, оглянуться назад, всё обдумать и даже сесть и обсудить: правильно ли мы пошли? Вот что такое рефлексия. Рефлексия возникает из-за того, что нет готового пути, по которому можно было бы идти. Если бы был готовый путь, рефлексия была бы не нужна — зачем тогда рефлексировать? И обсуждать было бы нечего. Есть так много, что обсуждать, потому что есть вопросы. Резкие перемены в обществе породили слишком много вопросов, на которые нельзя найти ответов в книгах наших предков. Поэтому резкие перемены в современном обществе порождают самоанализ и дискуссии. Дискуссии крайне необходимы. Я написал эссе «В защиту споров — опровержение статьи Ван Мэна „Мудрость без споров“». После того как я написал эту статью, многие старые друзья, с которыми я давно не общался, позвонили и сказали, что она хорошо написана. Заинтересованные студенты могут найти эту статью и прочитать её. Обсуждение необходимо. Почему оно необходимо? В сущности, в этом обществе нет единого мнения, которое подсказывало бы нам, как идти дальше. Мы вынуждены оглядываться, колебаться, обсуждать и даже спорить.

Социология — это наука, помогающая нам объяснять происходящее вокруг нас. Маркс сказал знаменитую фразу: «Философы лишь по-разному объясняют мир, а дело в том, чтобы изменить его». Не говоря уже о второй половине этой фразы, которая отражает амбиции и стремления Маркса, первая половина на самом деле также весьма обоснована. Задача философов — объяснять мир, и работа социологов заключается в том же — объяснять мир, объяснять это общество. В эпоху классической философии философия была универсальной наукой, охватывающей все области знания. Все философы были энциклопедическими учёными. Однако в новое время разделение наук стало всё более детализированным.

Мы, социологи, в первую очередь занимаемся объяснением социальных проблем, а такие вещи, как мышление, уже не входят в сферу нашей компетенции — это, возможно, дело философов и психологов. Люди, в сознании которых глубоко укоренились идеи прагматизма, особенно хорошо понимают, как строить и преобразовывать этот мир. Они не очень понимают, какая польза от объяснений. Разве я не говорил, что хочу объяснить вам, в чём заключается польза социологии? Я сказал, что одна из задач социологии — объяснять это общество. А какая польза от объяснения этого общества? Если вы спрашиваете, зачем нужны объяснения, вам сначала следует понять особенности духовного мира человека.

Я хочу сказать вам: человеку необходимо объяснять происходящее вокруг. Если человек ни в малейшей степени не будет объяснять происходящее вокруг, у него начнется шизофре-

ния. Звучит шокирующе, не так ли? Но разве до шизофрении дойдет? Разница лишь в степени: полностью обходиться без объяснений невозможно. Вы непременно требуете множества объяснений, которые позволяют придать внешнему миру порядок в вашем сознании, избавляя его от хаоса. Внешний мир — будь то природная среда или межличностные отношения — если он в твоей голове представляет собой хаос, ты неизбежно сойдёшь с ума. Ты обязательно должен дать определённое объяснение.

Если у человека есть склонность к философии, ему потребуется очень много объяснений. А те, кто очень далёк от философии, очень прагматичные люди, тоже не обходятся без объяснений. Приведу пример, чтобы пояснить необходимость объяснений. Когда мы идём в больницу к врачу, он слушает стетоскопом, измеряет температуру, берёт анализы, а затем выписывает рецепт и назначает лекарства. Но прежде чем забрать лекарства, вы, скорее всего, спросите врача: «Что со мной?» Зачем вы спрашиваете? Просто примите лекарство. Разве задавая вопрос, вы не просите врача дать объяснение? Зачем вам слушать его объяснения? Разве объяснение может вылечить вашу болезнь?

Объяснение в определенной степени может помочь вам вылечиться. Ведь без этого объяснения вы не успокоитесь, вам нужно во всем разобраться. Вы считаете, что только разобравшись, вы не зря живете в XXI веке. У меня же такое высокое образование, как же так, что после осмотра я ухожу, ничего не зная? На самом деле, ничего не знать — это не страшно. Но так не пойдет: вы всё равно упорно спрашиваете, и даже после того, как врач ответил, вы ещё спрашиваете: «Доктор, я ещё не понял, что означает тот термин, который вы упомянули?» Мы говорим, что многие хорошие врачи — конечно, шарлатанов гораздо больше — просто не хотят тратить время на такие объяснения, не понимая, насколько важно для человека объяснение, и не зная человеческой природы.

Лечение болезни — это не только приём лекарств, но и объяснение. Лекарства и объяснения действуют на вас вместе. Даже в таком практическом деле, как посещение врача, вы требуете объяснения. Помимо этого, когда вы сталкиваетесь с различными социальными ситуациями — с несправедливым обращением, с каким-то делом, в котором вас обманывают, с разводом и т. д. — в самых разных ситуациях люди всегда требуют объяснений, просто степень этой потребности у всех разная. То есть у человечества есть такая потребность. Мы говорим: где есть спрос, там будет и предложение. Люди требуют объяснений по поводу социальных проблем, но кто же является поставщиком этих объяснений?

Мы профессионально занимаемся этим. Здесь есть и оптовые, и розничные предложения. Здесь вам предоставят обширные объяснения, которые позволят вам взглянуть на ситуацию с высоты птичьего полёта; здесь вы найдёте объяснения, которые просветят вас; здесь этим занимаются профессионально, здесь проводятся углублённые исследования. Не слушайте тех людей — они всего лишь любители, самозванцы, у которых в запасе лишь пара-тройка фраз. Здесь мы можем объяснить вам всё от корня до верхушки, от начала до конца. Иногда люди высказывают свои мнения по поводу многих социальных проблем и явлений. В чём же заключается наше отличие от них? Мы — академики, и наше отличие заключается в том, что мы не просто высказываем мнения, но и подкрепляем их более весомыми доказательствами; мы предоставляем более твёрдые и обоснованные аргументы.

Мы упорно приводим людям доказательства, настолько упорно, что это уже граничит с педантизмом. Моя вступительная речь была шуткой. В повседневной жизни мы не относимся к вещам так серьезно, но здесь мы обязаны приводить доказательства. Почему я так рад читать лекцию здесь? Нужно объяснить это. В детстве, когда вы сдавали вступительные экзамены в среднюю школу, на экзамене по арифметике вам задавали прикладную задачу. Давали ли вам баллы, если вы просто называли правильный ответ? Нет, важным был ваш процесс вычисления — как вы пришли к этому числу, то есть промежуточные шаги.

Если промежуточные шаги были правильными, но последний шаг оказался ошибочным, вам всё равно ставили 7–8 баллов из 10; если же вы просто угадали ответ, не приведя никаких обоснований, то не получали ни одного балла. Нужно научиться обосновывать свои выводы. Нужна система отсчёта; при рассмотрении социальных явлений необходимо иметь множество систем отсчёта. Например, проблема разводов: высокий ли в этом году уровень разводов или низкий? Основанием для такого утверждения что служит? Сравните уровень разводов в этом году с уровнем разводов в 70-х годах XX века, с уровнем разводов в 50-х годах, с уровнем разводов в США, с уровнем разводов в Южной Корее, а также с уровнем разводов на Тайване и в Гонконге, которые имеют с нами общие корни.

Проведя такое сравнение, не говоря уже о чём-либо ещё, вы получите определённое понимание. То есть наша дисциплина учит вас объяснять происходящее вокруг, помогать другим находить объяснения, при этом опираясь на факты и аргументы, а также формировать множество систем отсчёта для сравнения. В заключение я хочу сказать, что даже для тех, кто в будущем не будет заниматься социологией профессионально, изучение всего этого будет неплохой выгодой. Если после четырёх лет обучения вы пойдёте работать в другую сферу, где большинство людей не имеют социологического образования, а вы — имеете, то вы усвоили знания из дисциплин, не имеющих прямого отношения к вашей будущей основной деятельности. Эти знания могут принести вам значительную пользу на протяжении всей вашей долгой жизни.

Некоторые из наших студентов, возможно, сменят направление, перейдут на изучение других дисциплин или вообще оставят научную деятельность, чтобы заняться практической работой — это прекрасно. У каждого свой выбор, ведь у всех разный характер и разные сильные стороны. Каждый должен познать себя. Перед началом лекции я пообщался с одним студентом бакалавриата, который в прошлом году посещал мой курс — это был очень выдающийся студент. Во время изучения этого предмета он был одним из немногих, кто получил самые высокие оценки — студент факультета искусств. Он учится на четвёртом курсе и сказал, что не хочет изучать эту дисциплину, что она ему совершенно неинтересна.

Поступление в университет было для него ошибкой: изначально он хотел изучать естественные науки, но учитель убедил его пойти на гуманитарные, и в итоге он поступил в художественный институт. Многие мечтают об этом и готовы на всё, чтобы туда попасть, но он не хочет учиться. Я спросил: «Что будешь делать дальше?» — «Не знаю», — ответил он. Я сказал: «Не торопись, над этим вопросом можно долго ломать голову, но ничего не придумаешь. Лучше всего просто ждать, пока со временем однажды, сама не заметив, ты вдруг прозреешь и увидишь то, что тебе по душе. Познать себя — дело нелегкое, нужно делать это постепенно». Он был в полной растерянности, не знал, что делать дальше: устраиваться на работу или поступать в аспирантуру. Он сказал, что, возможно, уедет на год на Дальний Запад в качестве волонтера-учителя, а потом вернётся и решёт, что делать дальше. Возможно, именно этот годовой опыт работы в качестве волонтера-учителя поможет ему неосознанно определить свои интересы и увлечения. Познание себя — дело весьма важное, но познать себя не так-то просто. Познание себя зависит не от интеллекта, а от чего же тогда? Трудно сказать.

Какая польза от изучения социологии? Социология — это дисциплина с довольно широким кругозором. Одной из главных черт нашего современного общества является то, что Адам Смит называл «разделением труда». Разделение труда становится всё более тонким, доходя до того, что люди как будто заперты в своих «клетках» и до конца жизни не вступают в контакты друг с другом. Это принесло нам огромную пользу. Адам Смит говорил, что для изготовления одной пуговицы существует множество этапов разделения труда, что, естественно, повышает эффективность. Однако в конечном итоге это приводит к сужению кругозора людей, и этот недостаток также весьма значителен.

А наша дисциплина в меньшей степени подвержена этой проблеме. Вы учились несколько лет — не ощущали ли вы это на собственном опыте? Поскольку наша дисциплина отличается широким охватом, после выхода в социальную жизнь вы, конечно, будете специализироваться в какой-то конкретной области, но если в процессе обучения вы получите более широкие знания, это, на самом деле, принесет пользу. У нас есть журнал под названием «Чашепитие социологов», издаваемый Шаньдунским народным издательством. Не знаю, видели ли вы его? Мой друг Ван Янь является исполнительным редактором этого журнала.

В последнем номере он написал предисловие под названием «Неоднозначная социология» — и эта особенность действительно присуща социологии как науке. Даже среди исследователей-социологов работа может различаться как небо и земля. Например, исследования профессора Пань Суйминя из факультета социологии Народного университета и мои исследования на первый взгляд кажутся почти двумя разными научными дисциплинами. Однако профессор Пань руководит студентами при проведении опросов, не говоря уже о своих собственных исследованиях, — они первоклассны и очень глубоки. Мастерство проведения опросов — это конек социологии.

В этой дисциплине есть общие черты, передаваемые из поколения в поколение. Если сравнить работы профессора Паня с другими образцовыми примерами эмпирических исследований, можно заметить определенное сходство. Среди современных социальных наук различия, столь значительные, как в социологии, встречаются, пожалуй, только в психологии. Помимо психологии, я не могу придумать ни одной другой дисциплины, в которой различия были бы столь велики, как внутри самой социологии. Такие значительные различия позволяют говорить о незрелости этой дисциплины — пока что можно так сказать.

Но в то же время я считаю, что для представителей этой дисциплины большие различия являются неким преимуществом, поскольку не налагают на нас строгих ограничений. Если взять, к примеру, экономику, то без математических формул не стоит и думать о получении звания профессора, поскольку без них просто невозможно попасть в ведущие экономические журналы. В нашей дисциплине специализация не настолько сильна, а порог входа не так высок. Наша дисциплина даёт нам огромную свободу действий, огромную свободу мысли и огромную свободу как мыслителей. Некоторые вещи механически превращаются в математические формулы, но мной таким образом не обманешь. Я человек независимый, всегда оставался таким, и меня не так-то легко обмануть. В США я общался с китайско-американскими учёными, добившимися успехов в экономике. Я говорю: «Вы готовите изысканные закуски, но почему вы становитесь всё более равнодушными к большим вопросам?» Они не знают, что ответить — им приходится подстраиваться под американскую академическую среду, чтобы выжить. В результате наука дошла до такой стадии: она стала чрезвычайно изысканной и чрезвычайно узкой. То, что мы сейчас занимаемся именно этой дисциплиной, а не той, в значительной степени является благом.

Какая польза от изучения социологии тем студентам, которые в будущем не будут заниматься профессиональными исследованиями в этой области? Эта дисциплина также учит проводить социологические опросы — это ваш коронный навык. В будущем этот навык может пригодиться в самых разных сферах работы, ведь в современном обществе спрос на социологические опросы растёт, и причина в том, о чём я говорил ранее: общество переживает радикальные перемены. Мы живём в этом обществе, это наш дом, но о многих вещах, происходящих здесь, мы не знаем — неизвестного слишком много. Возможно, вам интересно это узнать — у каждого есть любопытство. Сколько они зарабатывают?

Как они живут? Чем они занимаются? Вы этого не знаете. Поэтому во всем обществе существует острая потребность в том, чтобы понять, что же происходит в нашем обществе. Бизнесмены должны в этом разобраться, им нужны маркетинговые исследования, но они не особо разбираются в социальных исследованиях — статистика ведь целая наука. А статистика

должна сочетаться с глубоким пониманием общества; без него специалисты по статистике даже не знают, какие именно аспекты следует исследовать. Такая потребность есть и у бизнеса, и у правительства. Граждане и СМИ — у всех есть такая потребность. Наши СМИ работают крайне неудовлетворительно. Одна из причин заключается в том, что в СМИ не поступает большого количества специалистов с образованием в области социологии, которые могли бы придать социальным исследованиям более профессиональный вид. Поэтому, даже если в будущем вы не станете заниматься социологией, изучение этой дисциплины всё равно принесёт вам пользу.

3. Полученные знания принесут пользу даже при смене профессии

Вы сейчас учитесь здесь, и в будущем, конечно, можете сменить профессию — в этом нет ничего необычного. Многие люди с устаревшими представлениями считают, что изучать то, что не пригодится в работе, и работать не по специальности — это очень плохо. На самом деле, если вы посмотрите на статистику в развитых странах, то увидите, что многие люди, получив образование, не работают по специальности. Но даже если вы не будете работать по специальности, это не обязательно означает, что обучение не поможет вам в личностном росте. Это очень сложный вопрос, который нелегко проанализировать. Но я думаю, что одной из причин является то, что в разных дисциплинах вы усваиваете нечто общее.

Под «общим» я имею в виду то, что это учит вас читать, учит вас думать, учит вас писать. Несмотря на то, что вы читаете разные вещи, ваши навыки чтения укрепляются. Раньше вам требовалось два месяца, чтобы прочитать толстую книгу по предмету, с которым вы не были знакомы, а позже вам хватало одного месяца, чтобы прочитать книгу по незнакомой вам теме. Ваши навыки чтения улучшились. Ваши навыки мышления также улучшились: раньше вы изучали одну дисциплину, потом сменили направление, но ваши навыки мышления не ухудшились. Например, раньше вы получали подготовку по физике, а потом занялись химией. Предположим, вы и другой человек одновременно пришли в область химии.

По сравнению с человеком, не имеющим ни физической, ни химической подготовки, тот, кто получил физическую подготовку, возможно, будет иметь значительное преимущество. Почему преимущество столь велико? Потому что специалисты всех дисциплин неосознанно развивают в себе некоторые общие навыки: чтение, мышление, письмо, проведение экспериментов. Хотя эксперименты бывают разными, выполнив один эксперимент, а затем перейдя к другому, человек быстрее осваивает новую методику. Поэтому, на самом деле, иногда смена направления деятельности не является чем-то слишком серьезным. А эта цена, с точки зрения общества, является неизбежной. Нам нужно понимать человеческую природу, ведь у каждого человека есть свой процесс осознания собственных интересов — невозможно с самого начала четко понять, кто ты есть. В любой значительной группе людей это неизбежно. Но цена не слишком высока, ведь в конце концов ты научился читать, думать, писать и даже самостоятельно находить книги для чтения — все эти навыки очень важны.

IV. В защиту «бесполезных» наук

Последний вопрос, о котором я хочу поговорить, касается соотношения между полезным и бесполезным. Человек, слишком преданный ценностям прагматизма, наверняка сочтёт нашу дисциплину бесполезной. Он посчитает, что изучение экономики, да и рекламы, бухгалтерского учёта, а тем более инженерии, гораздо полезнее. Поэтому необходимо вместе с вами поразмышлять над этим вопросом. Я помню, как однажды, в «День молодежи 4 мая», кажется, на рубеже 80-х и 90-х годов XX века — тогда я ещё не был преподавателем в Пекинском университете — студенческий совет пригласил меня принять участие в дискуссии.

Я помню, как один студент выступил с пламенной речью, заявив, что университет должен служить обществу, что то, чему учат в университете, должно непосредственно служить обществу, что знания должны быть полезными, и зачем нам изучать столько бесполезных предме-

тов? Поэтому университет нуждается в реформе. Мне стало трудно это слушать, и я взял слово после него.

Я сказал: «Если следовать словам этого студента и провести ревизию Пекинского университета, то не придется ли ликвидировать многие факультеты? Зачем изучать санскрит? Зачем изучать археологию? Если посчитать, то многие факультеты нашего университета можно было бы закрыть. Многие факультеты, которые вы считаете полезными, при ближайшем рассмотрении оказываются бесполезными; многие достижения математики не имеют практического применения и пригодятся только через 500 лет. Зачем заниматься математикой, если её передовые достижения сегодня найдут применение только через 500 лет? Наш народ ещё даже не наелся досыта. То, о чём говорил этот студент, на самом деле является огромной проблемой. Абсурд заключается в том, что в этом университете вообще можно задать такой вопрос, и что в этом университете эта проблема так и осталась нерешённой. Если мы будем заниматься только наукой, дающей мгновенный результат, то наши знания и весь наш культурный наследие будут чрезвычайно ограниченными. Мы не сможем подняться в небо, не сможем проникнуть в недра земли, не будем понимать ни древности, ни современности, а будем видеть только то, что прямо перед нами. Разве для этого существуют наши университеты? Университеты не для этого созданы. Поэтому, в заключение, я хочу подробнее поговорить с вами о том, полезна ли наука, и подвести итоги сказанному ранее.

Дамы и господа, в чём заключается движущая сила научных исследований? Что побуждает учёных вступить в храм науки? Я скажу, что это не стремление к полезности и даже не желание служить обществу и помогать людям — их движет любопытство. У них просто нет другого выбора, кроме как заниматься этой работой, иначе они не смогут обрести душевное спокойствие. Почему я говорю, что дело не в полезности? Учёный не сможет объяснить нам, в чём именно заключается польза его работы. В отличие от меня: сегодня я, возможно, в некоторой степени смогу рассказать вам, какая польза от социологии, и, услышав это, вы почувствуете, что в этом есть доля правды. А вот некоторые люди, чьи научные титулы гораздо выше моих, чьи достижения гораздо значительнее моих — если вы спросите их, какая польза от этих достижений, то они, без исключения, не смогут ответить. Спросите Эйнштейна: какая польза от теории относительности? Он не сможет ответить. Спросите Чэнь Цзиньжуна: «А какая польза от гипотезы Гodelьбаха?» — он не сможет ответить. Разве такие убедительные примеры не помогают вам понять суть вопроса? Они пошли в науку не ради пользы, не в погоне за пользой, а движимые интересом и любопытством.

Что приносит больше пользы человечеству: полезные вещи или бесполезные? Вы скажете: «Учитель, в ваших словах есть неточность: как бесполезные вещи могут быть полезными?» В этом-то и заключается проблема! То, что сейчас бесполезно, в будущем может оказаться чрезвычайно полезным. А то, что полезно сейчас, приносит нам, в лучшем случае, небольшую пользу. Чжуан-цзы говорил: «Все знают о пользе полезного, но никто не знает о пользе бесполезного». Он говорил: «Вы всё время говорите о полезном и бесполезном, но место под вашими ногами — это самое полезное для вас. А что будет, если убрать всё то, на что вы не наступаете? Вы окажетесь как на вершине горы, где невозможно сделать и шага». Если мы отбросим много бесполезных знаний, мы не сможем устоять в этом мире.

Недавно скончавшийся великий математик китайского происхождения Чэнь Шэншен однажды выступил с очень яркой речью. В начале своего выступления он рассказал, что более двух тысяч лет назад Евклид выдвинул теорему, согласно которой в пространстве существует ровно пять видов правильных многогранников — ни одного больше, только эти пять. Знаете ли вы, что это за пять многогранников? Первый — правильный тетраэдр, то есть с треугольной основой; второй — правильный куб; третий — правильный октаэдр, состоящий из четырёх равносторонних треугольников, причём верхний и нижний соединены между собой; четвёр-

тый — правильный додекаэдр, состоящий из пятиугольников; и, наконец, правильный икосаэдр, состоящий из 20 треугольников.

Чэнь Шэншен сказал, что Евклид ещё более двух тысяч лет назад говорил о существовании правильного икосаэдра, который можно нарисовать или слепить — посмотрите, как он красив. Прочитав эту лекцию, я вспомнил уроки геометрии из юности и дома из бумаги сложил эти пять правильных многогранников; они до сих пор висят у меня в комнате. Чэнь Шэншен сказал, что за две тысячи лет в природе так и не было обнаружено ни одного естественного объекта — ни кристалла минерала, ни какого-либо живого существа — имеющего форму правильного икосаэдра. Что это означает? Идеальный икосаэдр существует только в человеческом воображении, его нет в реальном мире природы.

Но спустя более двух тысяч лет мы наконец-то увидели идеальный икосаэдр в реальном мире — этот идеальный икосаэдр, существующий в реальном мире, встретился с тем идеальным икосаэдром, который существовал в голове и представлениях Оу Вэна. По крайней мере, можно сказать, что этот правильный двадцатигранник, задуманный Оу-Оном в те времена, не обязательно бесполезен для реальной жизни человечества — просто долгое время он не находил применения. Знаете ли вы, что представляет собой этот правильный двадцатигранник, существующий в реальном мире? SARS — это вирус, очень-очень маленький, он и есть правильный двадцатигранник.

Именно тот SARS, который потряс китайское общество и привел к болезни бесчисленное количество людей, претерпел определенную мутацию, превратившись в «коронаобразный» правильный двадцатигранник — то есть на каждой грани у него выросла маленькая коронаобразная выпуклость. Сколько лет пройдет, прежде чем передовые математические открытия найдут практическое применение и принесут пользу обществу? Обычно это занимает три-пятьсот лет. Некоторые из них почти никогда не находят практического применения. Таких примеров много: кто знает, когда гипотеза Годабоха принесет пользу человечеству. Так зачем же заниматься этим напрямую? Прямая работа в этой области служит научной системе, служит математической системе, делает сокровищницу математических знаний всё богаче, а математическую систему — всё более стройной. Но это оружие пока не имеет отношения ни к еде и питью, ни даже к космосу, ни к нашим самым передовым приложениям. Оно слишком опережает своё время.

С другой стороны, самое практичное — это и самое обыденное. Увеличить урожай на один му — как это практично! В Китае есть специалист по рису Юань Лунпин, выращенные им сорта дают урожай более тысячи цзиней с му. Это великое достижение. Но смогло бы человечество существовать, если бы у него была только сельскохозяйственная цивилизация, без каких-либо других форм цивилизации? Иными словами, если бы человечество устремило свой взор исключительно на сельское хозяйство, то даже само сельское хозяйство не смогло бы развиваться. Ведь развитие самого сельского хозяйства зависит от физики, химии и биологии. Поэтому, по сути, то, что для нас наиболее полезно, приносит нам лишь небольшую пользу.

Мы разработали множество вещей, которые на первый взгляд кажутся бесполезными, но в конечном итоге они могут превратиться в побочные продукты, которые принесут огромную пользу человечеству. Кто может отрицать пользу письменности? Для чего изначально нужна была письменность? Письменность изначально была весьма забавной вещью. Кем были предшественники интеллектуалов? Предшественниками интеллектуалов были шаманы. Кто такие шаманы? Шаманы занимались предсказаниями. Племя собиралось в войну, а риск войны был слишком велик. Идти ли в бой? Стоит ли воевать? «Выгадай нам», — просили они.

И тогда у костра начали обжаривать лопатку быка или панцирь черепахи, а после обжаривания рассматривали трещины, предсказывали будущее и записывали свои предсказания. Как называлось то, что записывали? Позже это стали называть «костными надписями». Какая польза от гадания? Какое отношение оно имеет к победе в битве? Разве победа не зависит от

сверхчеловеческой силы? Разве она не зависит от прочности клинка? Она не зависит от этих карликов. Какая польза от гадания? Мы можем с уверенностью сказать, что в то время это была бесполезная наука, но, безусловно, она не была совершенно бесполезной.

Малиновский говорит нам, что когда моряки сталкивались с штормом, магия укрепляла их уверенность, что помогало им преодолеть бурю. Без уверенности они, возможно, потерпели бы поражение гораздо раньше. Поэтому нельзя сказать, что магия бесполезна. Точно так же гадание может поднять боевой дух. После гадания, когда становится ясно, что «небесная воля на нашей стороне», этот дух резко усиливается. Разве боевой дух не сыграл значительной роли, когда армия Коммунистической партии победила армию Гоминьдана? Что такое боевой дух? Скорее всего, несколько тысяч лет назад он подпитывался именно этой верой в «волю небес». Можно ли сказать, что всё это была чушь?

С высоты сегодняшнего дня можно сказать, что идеологии прошлого имели абсурдные черты, но в то время они выполняли реальную функцию. Далее я хочу сказать, что после гадания необходимо было с большой серьёзностью записывать некоторые символы. В то время эти символы служили лишь для гадания, но в конечном итоге проложили широкий путь и превратились в письменность. Можно сказать, что письменность возникла из бесполезной науки. Если бы вожди племен в те времена были исключительно прагматичны, то не появились бы шаманы, не появилось бы письмо на костях, и не появилась бы письменность в будущем. Когда письменность только появилась, её применение было узким, но позже она получила широкое распространение. Если у меня хватит энергии и творческого потенциала, я постараюсь в будущем написать монографию под названием «Побочные продукты». Если же у меня не будет столько творческого потенциала, я напишу длинную статью или выступлю с докладом на тему побочных продуктов. Человеческая цивилизация в значительной степени создана именно «побочными продуктами», а не теми вещами, которые имеют непосредственное применение. Некоторые вещи, казалось бы, не имеют непосредственного применения, но побочные продукты, полученные в результате их использования, оказываются потрясающими.

У меня есть много примеров, иллюстрирующих суть побочных продуктов. Например, одно из четырёх великих изобретений Китая — книгопечатание. Зачем изначально устанавливали каменные стелы? Чтобы развеять заблуждения и уменьшить количество ошибок, возникающих при устной передаче информации. Установив каменную надпись, люди не стали бы преодолевать тысячи ли, чтобы запомнить её текст. Но они опасались, что, передавая информацию другим, у них не будет доказательств, и что делать, если им не поверят? Тогда они сделали оттиск надписи. Изначально это делалось не для создания копий. Именно оттиски вдохновили людей: «Ого, а ведь это можно печатать!» Так появилась ксилография. В конечном итоге, зачастую именно побочные продукты, а не конечные продукты, не прямые цели, вносят значительный вклад в человеческую цивилизацию.

Я надеюсь, что мои взгляды и мысли помогут части студентов избавиться от прагматических ценностей. Я уверен, что некоторые из присутствующих глубоко погрязли в прагматических ценностях и всегда считали, что то, чему они учатся, немного абстрактно, и что лучше изучать инженерию — строить высотные здания гораздо практичнее. На самом деле, большая часть сокровищницы человеческой культуры не имеет практического применения. То, что не имеет практического применения, содержит гораздо больше знаний, чем то, что имеет непосредственную практическую пользу. Бесполезные науки в конечном итоге приносят огромную пользу. Нельзя смотреть только на продовольствие и землю. Да и даже если продовольствия будет сколько угодно, является ли оно направлением будущего человеческой цивилизации? Это слишком преуменьшает возможности человечества. Мы можем сделать из этого общий вывод.

Во время эпидемии атипичной пневмонии я выступил с лекцией в Китайском народном университете и в заключение сказал: «Всё, чему я учился половину своей жизни, — это бес-

полезные знания, и я готов отстаивать их, потому что именно в них заключается наибольшая польза». Я слишком много говорил, давайте вы зададите вопросы — я надеюсь увидеть преимущество в возрасте тех студентов, о которых я говорил.

Глава 2. Как читать книги

Давайте вместе поразмышляем над одним вопросом: чтобы написать хорошую научную работу, необходимо обладать рядом качеств. Какое из них, по вашему мнению, самое важное? По моему мнению, самое важное качество — это ваше сильное желание написать хорошую научную работу. Я считаю, что для написания хорошей научной работы это качество важнее всех остальных, можно даже сказать, что оно самое важное. Если у вас нет такого желания, то сколько бы качеств вы ни обладали, это бесполезно. На самом деле этот принцип можно применить ко многим вещам. Например, если вы хотите разбогатеть, какое качество важнее всего? Это то, что вы очень сильно хотите разбогатеть. Всё так просто. Если вы хотите получить повышение по службе, какое качество больше всего поможет вам в этом? Это чрезвычайно сильное желание получить повышение. Кроме того, вы можете сколько угодно разглядывать человека и думать: «У него действительно есть все качества для того, чтобы разбогатеть: он искусен в расчетах, в решающий момент проявляет смелость при принятии решений, умеет сотрудничать, способен придумывать интриги и уловки». Как бы вы его ни оценивали, он всё равно не сможет разбогатеть. Почему? Один фактор сильно сдерживает его: у него нет такого сильного желания.

Г-н Шэнь Чанвэнь, бывший президент книжного магазина «Саньцзиньлюань» и бывший главный редактор журнала «Чтение», в присутствии меня и других друзей воскликнул: «Яфу, почему ты не занимаешься бизнесом? Мне кажется, ты мог бы разбогатеть! У тебя столько хороших идей — одни ты продаёшь телеканалам, другие — издательствам и так далее. Ты мог бы разбогатеть». Он не знал, что я вообще не способен разбогатеть. Одна из главных причин, по которой я не могу разбогатеть, заключается в том, что я не особо хочу этого. Я не очень много трачу, и не знаю, зачем я вообще зарабатываю деньги. Именно этот фактор предопределил, что я нахожусь как нельзя дальше от богатства.

Конечно, на самом деле, когда зарабатываешь много денег, это не для того, чтобы их тратить. Заработав столько, как их потратить? Билл Гейтс и многие другие магнаты заработали огромные состояния, но чем они на самом деле занимаются? Играют в игру, в которой богатство является символом успеха. А мне эта игра не интересна. Например, если бы Джордан занимался прыжками в высоту, он, возможно, побил бы мировой рекорд, но самому Джордану это было бы безразлично — он не видел в этом смысла. Что с того, что он перепрыгнул бы через два метра сорок с лишним? Лучше стать королём баскетбола — на это смотрят гораздо больше людей, верно? У всех разные стремления, разные ориентиры.

И это самое главное. Я разбираю с вами эти принципы, потому что считаю, что они универсальны и применимы повсюду. Чтобы хорошо делать что-то, самое главное — это сильное желание сделать это хорошо. Может показаться, что я повторяюсь и не несу никакой новой информации, но на самом деле в этом есть важный смысл. То есть мотивация — это самое главное. В прошлой лекции я говорил, что существует два вида мотивации, которые поддерживают наше обучение. Во-первых, вам это нравится; во-вторых, вы считаете это полезным. Одно — это увлечение, другое — прагматизм. Я надеюсь, что смогу помочь вам обрести более сильную мотивацию. Мотивации чем больше, тем лучше: две, три — чем их больше, тем сильнее движущая сила и тем легче приступить к действию. Мне трудно влиять на ваши увлечения; возможно, я смогу немного вдохновить вас, но, в конечном счёте, я не смогу оказать большую помощь. С другой стороны, если вы считаете, что с практической точки зрения социология очень полезна, это также может усилить вашу мотивацию к обучению и косвенно помочь вам хорошо написать дипломную работу.

Теперь перейдем ко второй лекции: как читать книги.

I. Развитие интереса к чтению

Чтобы рассказать о том, как читать книги, как ни странно, я сначала должен объяснить, почему некоторые люди не любят читать. Полагаю, что и на зарубежных лекциях есть профессора, которые читают курс «Как писать диссертацию». Некоторые из них затрагивают и эту небольшую тему — «Как читать книги». Но я думаю, что зарубежные профессора не стали бы в рамках этой темы сначала объяснять, почему многие люди не любят читать и испытывают отвращение к учебе. Другими словами, я считаю, что отвращение к учебе в определенной степени является особенностью Китая. Особенно когда даже студенты престижных университетов испытывают отвращение к учебе — это типично для Китая. Это пагубные последствия китайского образования в средней и старшей школе, поскольку наша система имперских экзаменов была слишком жестокой, и многие устали от учебы. Это огромная проблема, граничащая с преступлением. Поэтому я хочу поговорить об этом и проанализировать эту ситуацию.

Люди сильно отличаются друг от друга — это обусловлено разнообразием человечества. Не все любят читать, и это, конечно же, нормально. В обществе существует множество различных ролей. Кто-то подходит для роли активиста, кто-то — для роли продавца. Конечно, среди активистов и продавцов тоже есть люди, которые в свободное время любят читать. Но с точки зрения выполнения своей роли, чтобы быть хорошим активистом или хорошим продавцом, не обязательно много читать. И большинство активистов, и большинство продавцов, возможно, не особо любят читать. Это не имеет значения, так как это никак не влияет на их способность хорошо выполнять свои социальные роли. Я говорю о том, что не любят читать студенты одного известного учебного заведения. Пройдя через все тяготы и трудности конкурса на поступление в высшее учебное заведение и одержав победу, поступив в вуз, мы сталкиваемся с необходимостью учиться, но они уже не любят читать. Причём это не единичное явление, а имеет довольно широкий характер. Это серьезная проблема.

Исходя из моего личного опыта преподавателя, могу сказать, что у большинства студентов энтузиазм к учебе невысок. Я родился в 1950 году и не раз замечал, что у студентов энтузиазм и рвение к учебе не так велики, как у меня, и что они учатся хуже, чем я — это просто нелогично. Ведь ваша энергия и интеллект намного превосходят мои. Я поступил в университет довольно поздно — из-за обстоятельств того времени мне пришлось много лет провести в горах и в деревнях. В 1978 году я поступил в университет, а в 1979 году — в аспирантуру Китайской академии социальных наук. Моим научным руководителем был бывший заместитель председателя Китайской академии социальных наук. Когда я учился, его научная подготовка, конечно, была гораздо глубже, чем у меня, но в плане чтения он и не мог сравниться с нами. Ведь у нас были преимущества: мы были молоды, полны энергии, обладали энергичностью и сильным стремлением к знаниям. Ему было просто невозможно превзойти нас в чтении — он был уже пожилым, у него не хватало сил, да и множество мирских дел отвлекали его. Мы же были бесхитростны, ничто нас не отвлекало, и мы читали в два, три, а то и в пять раз больше, чем он.

Но, с другой стороны, сегодня я уже не молод, и почему я не вижу ни одного из своих однокурсников, который бы читал с такой же неустойчивой энергией? За все время, что я преподавал стольким студентам, я встретил только одного такого. Он сдавал экзамены на докторантуру у меня. Я человек очень открытый: если где-то хорошо, то и учиться там. Он сдавал экзамены у меня, одновременно поддерживая контакты с США и Гонконгом, и я написал ему рекомендательное письмо. Впоследствии его приняли в Гонконгский технологический университет. Я веду курс под названием «Вклад биологии в социальные науки». Сам я страстно увлечен биологией и прочитал более ста биологических трудов.

Студенты, посещающие этот курс, считают, что для них открылось новое окно, они увидели новый мир, и все они очень воодушевлены. Но, несмотря на весь этот энтузиазм, в конечном итоге только один человек превзошел меня в чтении литературы по этой области, заставив меня почувствовать, что молодежь внушает страх и демонстрирует неустойчивую энергию.

Мы часто обмениваемся списками литературы, и он регулярно присылает мне соответствующие статьи из зарубежных журналов. На других курсах, которые я веду, я не видел ни одного студента, который бы прочитал больше литературы в рамках данного курса, чем я. Я думал, что многие студенты превзойдут меня по объёму прочитанного, но такого не произошло. Это действительно очень странно. То есть у нас страсть к чтению — не очень распространённое явление.

Что это за школа такая? Как может иметь место такое явление? Молодой студент читает меньше, чем старик — это просто абсурд. В чём же причина? Причина, безусловно, не в студентах. Вы когда-то были чистым листом бумаги, и именно начальное и среднее образование сформировали вас такими, какими вы являетесь сегодня. Проблема кроется в нашем начальном и среднем образовании. Какого результата должно достигать образование? Оно должно развивать интерес человека к чтению, а не уничтожать его. Таким образом, студенты не виноваты — проблема в нашей системе образования. Она не только не развила наш интерес к учебе, но и уничтожила его. Как возникает отвращение к учебе? Как возникает нелюбовь к чтению? Наше среднее образование не уважает индивидуальность и не уважает личные интересы. Оно слепо заставляет нас служить одной утилитарной цели, заставляет нас всецело посвятить себя одной цели: поступить в престижный университет. Так обстоит дело в средней школе. А в университете нас слишком рано и чрезмерно направляют на специализацию, заставляя служить цели специализации, придавая чрезмерное значение успеху и результатам, пренебрегая интересами самого человека.

Как же развивать интересы? Конечно, иногда для этого нужна удача: чтобы какой-то учитель или друг вдохновил вас в той или иной области. Но с другой стороны, развивать интересы на самом деле очень просто. Достаточно предоставить студентам широкий простор для выбора, и в итоге многие неожиданно для себя обнаружат у себя какой-то интерес. Ключ — в широком просторе для выбора. Что означает «пространство»? Это как когда вы заходите в столовую Пекинского университета: у вас довольно широкий выбор, ведь там представлено так много блюд, что независимо от того, житель юга вы или севера, вы всегда сможете найти что-то по своему вкусу.

Или, например, если вы молодой человек и вокруг вас много выдающихся сверстников противоположного пола, у вас есть широкие возможности для поиска партнера. Иногда не у всех есть столь широкие возможности и богатый выбор. Например, у меня есть друг, футбольный обозреватель по имени Цзинь Шань. Из-за своего неблагоприятного происхождения он окончил среднюю школу за год до «Культурной революции». Он отлично учился, но не смог поступить в университет и стал рабочим. Неожиданно для него выпускники средних школ нескольких последующих выпусков были отправлены в сельскую местность. Старик Цзинь оказался в непонятном времени и месте: все шесть выпусков, которые вышли после него, уехали в сельскую местность. Это крайний случай. Обычно пространство выглядит так: если вокруг вас много разных книг, много разных видов знаний, если здесь есть настоящие, ценные вещи — это и есть ваше пространство выбора.

Что такое выбор? Выбор — это возможность решать самостоятельно. Могу ли я сам решать, какие книги мне нравится читать? Если вокруг столько прекрасных представителей противоположного пола, столько хороших книг, и при этом у тебя есть время и свобода воли, чтобы выбирать, то большинство людей сможет найти себе пару. Эти книги очаровательны, эти хорошие книги подобны представителям противоположного пола в расцвете сил — они обладают огромным шармом. У тебя сильная жажда знаний, как же ты можешь не найти, что почитать? Это невозможно.

Интересы следует развивать именно так. Конечно, в этом процессе внешнее давление не должно быть слишком сильным. Если внешнее давление слишком велико, ты подвергаешься помехам. В результате у тебя не остается пространства для выбора. Тебя контролируют, застав-

ляют читать только одни и те же несколько книг. Мне кажется, что большинство из нас раньше находилось именно в таком положении. Есть ещё одна сила — внутренняя движущая сила. Если внутренняя движущая сила сильна, это не страшно. Иногда с виду всё выглядит одинаково: один ученик действительно усердно занимается, но в одном случае это может быть вызвано внешним давлением, а в другом — внутренними мотивами.

Конечно, в результате внутренней мотивации ученик может читать книги, не связанные с учебной программой, разнообразные книги или просто для удовольствия. Но не всегда так: иногда внутренняя мотивация заставляет читать книги по какой-то конкретной дисциплине. Тогда то, что мы видим снаружи, может выглядеть совершенно одинаково. Но на самом деле это не одно и то же. Эти два вида поведения — это «одинаковые с виду, но разные по сути», «внешне схожие, но внутренне разные». Однажды я беседовал с великим китайским математиком Ян Лэ. Ян Лэ решительно выступал против олимпиадных школ и олимпиадных математических классов.

Он говорил, что занятия математикой — это марафон, и не следует в юности прибегать к «набивке головы». Чтобы побудить его разъяснить свою точку зрения, я задал ему сложный вопрос, ведь я знал его биографию. Еще в средней школе о Ян Лэ писали в газетах. Я спросил его: «Вы не позволяете нынешним детям усердно заниматься математикой, но ведь и вы в своё время не сидели сложа руки — в старших классах вы решали сотни, даже тысячи математических задач». Он на мгновение замер, а затем ответил: «Это не то же самое. Меня никто не заставлял, я делал это добровольно, потому что любил математику». Один — по принуждению, другой — из любви. На первый взгляд их поведение кажется одинаковым, но на самом деле оно сильно отличается. У того, кого заставляют, краткосрочные результаты могут быть неплохими, но впоследствии он, скорее всего, потеряет интерес к учебе. У того, кто делает это добровольно, мотивация растёт с каждым днем.

В прошлом году на устном экзамене для поступления в магистратуру факультета социологии Пекинского университета был один молодой человек. Он учился на бакалавриате в Пекинском университете по естественнонаучному направлению, но из-за того, что не сдал экзамены по нескольким предметам — все из области математики — его отчислили. Это стало для него большим ударом. Он не смирился с этим и, занимаясь самостоятельно, сдал вступительные экзамены в магистратуру по социологии. Я всегда придавал большое значение математическим способностям, считая математику основой интеллекта. Раз его исключили из-за математики, не означает ли это, что у него есть определенные пробелы в некоторых аспектах интеллекта? На устном экзамене я спросил его: «Ты провалил экзамены по математике — значит ли это, что в средней школе у тебя не очень хорошо получалась математика?» Он ответил лишь одной фразой: «В средней школе я был призером олимпиады по математике». Как печально: бывший математический лидер олимпиадской школы потерпел неудачу в математике из-за нежелания учиться. К счастью, этот ребёнок смог встать на ноги.

Давайте проанализируем дальше: могут ли знания, полученные на уроках в средней школе и в рамках университетской специальности, пробудить интерес у студентов? Такая возможность существует. Ян Лэ, например, сначала увлекся математикой на уроках, а после занятий продолжал заниматься ею. Почему знания в рамках университетской специальности не могут пробудить интерес у многих студентов? Многие преподаватели терпеливо и настойчиво подталкивают студентов к знаниям, и такая возможность есть. Но я думаю, что если полагаться исключительно на знания, полученные на уроках в средней школе, и исключительно на знания в рамках университетской специальности, чтобы пробудить интерес у студентов, то доля успеха будет не слишком велика. Чтобы пробудить интерес у значительной части студентов, я считаю, что помимо уроков и специальности, в средней школе необходимо опираться на внеклассную литературу, а в университете — на литературу, не связанную со специальностью. Почему? Потому что люди разнообразны, а уроки и специальности узкие и ограниченные. Сможет ли

столь ограниченный контент пробудить интерес у всех студентов, с которыми вы имеете дело? Я в этом сомневаюсь. Поэтому, если мы действительно хотим пробудить интерес у студента, мы должны предоставить ему широкое пространство, больше вариантов для выбора и больше возможностей для выбора.

Очень важно раннее развитие интересов, в том числе и интереса к чтению. Можно провести аналогию: пристрастия и предпочтения людей в еде во многом зависят от раннего развития вкусовых предпочтений. Если в раннем возрасте не сформировался интерес к какому-то продукту, то, встретив его в зрелом возрасте, человек не обязательно полюбит его и не обязательно сможет его переварить. Приведу пример — молоко. Среди нас, китайцев, особенно среди людей моего поколения, довольно большая доля не может пить много молока: при чрезмерном употреблении возникают проблемы с пищеварением — диарея или вздутие живота. Диетологи говорят нам, что молоко очень питательно и стоит недорого.

Как было бы хорошо, если бы каждый из нас выпивал по одному цзиню молока в день! К сожалению, среди наших соотечественников это под силу лишь небольшой группе людей. А вот иностранцы могут — у них с этим нет никаких проблем, и они пьют молоко холодным, прямо из холодильника. Чем обусловлена такая разница? Физиологи говорят нам, что это не полностью врождённое, а зависит от развития в раннем детстве. Если человек пил молоко в раннем детстве, он привыкает к нему и во взрослом возрасте может продолжать пить его в больших количествах. Если же в детстве он практически не сталкивался с молоком, то во взрослом возрасте это становится невозможным.

В желудочно-кишечном тракте содержится множество различных ферментов. Если в детстве пить молоко, в желудке вырабатывается фермент, помогающий усваивать молоко. Во взрослом возрасте этот фермент сохраняется в организме. Если в детстве этот фермент не сформировался, то какое бы хорошее ни было молоко, оно вам не подойдет. Или вы сможете пить его лишь в небольших количествах, а в больших — это будет невозможно. Чтобы стать гурманом, в детстве нужно находиться в разнообразной пищевой среде, иметь возможность пробовать самые разные продукты. Если в детстве вы не пробовали многие продукты, то, столкнувшись с ними во взрослом возрасте, вы сочтете их вкус странным. Другие будут называть это деликатесом, а вам это покажется совсем не вкусным. Попробовать развить этот вкус в зрелом возрасте уже не получится.

Широкий интерес к чтению нужно развивать с детства, во взрослом возрасте это уже невозможно. На самом деле, когда я сейчас говорю об этом с вами, это уже немного напоминает попытку залатать дыру после того, как овца сбежала. Интерес нужно развивать в юности, а вы уже молодые люди. Тогда был «золотой период» для развития, но нас гнали кнутом имперских экзаменов, и у нас не было свободного времени для чтения книг, не связанных с учебой. Неужели вы хотите сказать, что ваша юность была очень плохой, а моя — очень хорошей? Нет, дело не в этом! Моя юность была другой крайностью. На вас давило слишком сильное внешнее давление, заставляя вас повторять одни и те же действия в крайне узких рамках.

А в каких условиях находился я? Я лишился возможности учиться: не только школы закрыли, но и книги сожгли, так что вокруг почти не осталось книг. У вас, ребята, в средней школе из-за слишком сильного внешнего давления, относительно говоря, не нужно было иметь ещё и слишком сильную внутреннюю мотивацию. А если бы у вас была ещё и слишком сильная внутренняя мотивация, то под двойным давлением — извне и изнутри — вы бы, наверное, просто изнемогли от усталости, не так ли? Вам даже часто приходилось искать возможность отдохнуть, посмотреть телевизор, побездельничать. В то время, когда школы перестали работать, у части подростков пробудилась внутренняя мотивация — они хотели найти книги для чтения.

На самом деле, когда я учился в школе, я был таким же, как и все: у всех одинаковые чувства, и иногда мне тоже хотелось побездельничать. Но когда школа закрылась, я впервые

понял, как же хорошо читать книги, когда можно самому их искать. Мы тайком выносили книги, которые были занесены в список «четырёх старых», спрятанные в одном месте. Читали всё, что попадалось под руку. В результате в этот странный и необычный период я прочитал много необычных книг. Некоторые из них были действительно хороши, но в обычные времена, когда люди шли по проторенным путям, такие книги было невозможно прочитать.

Тем более в твоём возрасте, да и ты ведь не занимаешься этой специальностью — зачем тебе читать такие книги? Например, я прочитал один-два тома из «Полного собрания сочинений Станиславского». Кто из присутствующих знает, кто он такой? Он — великий русский драматург и режиссёр, создавший одну из основных систем мирового театрального искусства. Некоторые эпизоды из его книг до сих пор ярко стоят у меня перед глазами. Я рассказывал об этом людям в междугороднем автобусе, и слушатели были в восторге: «Старик Чжэн, где ты всё это прочитал?» Я читал «Сборник комедий Аристофана» — кто знает, кто он такой? Не стесняйтесь, эрудиция — это честь. Он был древнегреческим драматургом. Эту книгу я не дочитал до конца — её у меня украли, пока я читал. Эту книгу я тоже украл, но не у частного лица, а из шкафа, предназначенного для «разрушения четырёх старых». «Полное собрание сочинений Лу Синя» я, кажется, в основном прочитал по частям, за исключением переводов. Я прочитал много томов избранных произведений Плеханова, романы Гюго и Джека Лондона — большинство из них я прочитал.

Я считаю, что для того, чтобы хорошо читать, нужны две вещи. Во-первых, врождённые способности: этот ребёнок обладает обширными знаниями и отличной памятью — ничего не подделаешь, это от родителей, а иногда даже не от родителей — у отца не такая хорошая память, у матери тоже не такая хорошая память, это просто удачное сочетание генов. Теория «гребца» гласит, что недостаточно просто хороших генов, нужно ещё и правильное сочетание генов. Во-вторых — любовь к чтению. Чтобы хорошо учиться, нужны эти два фактора, и, если сравнивать их, второй из них важнее. Имея только один из них, на самом деле невозможно учиться слишком хорошо. Но, если сравнивать, то если интерес не сформировался, то какими бы хорошими ни были умственные способности, если ребёнок не любит учиться, этот ресурс будет потрачен впустую, и от него не будет пользы.

Я видел много таких людей. В средней школе было много детей с исключительным талантом, но у них не сформировался интерес к учебе. Во время обучения в школе, будь то средняя школа или университет, они с легкостью усваивали материал, изучаемый на уроках, — их успехи были поразительными, и учителя не могли не восхищаться. Но у них не сформировался интерес к учебе. Как только заканчивались занятия, они переставали читать. Напротив, люди с хорошими умственными способностями, если у них есть огромный интерес, могут добиться успеха в чтении. Потому что они не останавливаются и упорно идут к цели. Ян Лэ когда-то сказал мне, что математика — это марафон, и бесполезно лидировать на первом километре. То же самое и с чтением. Чтобы стать эрудированным человеком, главная опора — это страстная любовь к чтению и живой интерес к нему. А эта опора в значительной степени формируется в процессе обучения. Имея такую опору, человек с хорошими умственными способностями сможет читать очень хорошо. А если у вас ещё и феноменальная память, то вы станете таким же, как Чэнь Инькэ. Напротив, даже обладая интеллектом Чэнь Инькэ, если в юности не развить интерес к чтению, этот ресурс будет напрасно потрачен.

У нас, похоже, чем выше у студентов уровень образования, тем больше они заняты получением диплома, а любовь к чтению тем меньше. В США всё по-другому: чем выше уровень образования, тем больше люди любят читать. Среди американских аспирантов, с которыми я общался, не было ни одного, кто бы не любил читать; все они прочитали огромное количество книг. Это резко контрастирует с нашей ситуацией.

2. Приоритеты и сочетание

Без интереса к чтению не обойтись, но даже при самом большом интересе иногда приходится полагаться на силу воли. Например, в отношении этого курса многие студенты говорят, что у них конфликт расписаний. Оказалось, что на кафедре сказали, что лучше всем его посещать, но многие студенты третьего курса бакалавриата говорят, что у них конфликт расписаний, и не хотят его посещать. Что ж, ни в коем случае нельзя заставлять студентов. Принуждение других противоречит моим принципам преподавания. Я надеюсь, что всю свою жизнь буду вести только факультативные курсы, а не обязательные, и никого не буду заставлять посещать мои занятия.

Те, кто приходит, — это судьба, они готовы учиться. Тем не менее, начиная со следующего занятия, вы будете отмечаться в списке. Здесь действуют правила дисциплины. Раз вы добровольно сели на «корабль разбойников», то на этом «корабле» тоже есть свои правила. Чтобы интересоваться учебой, все равно нужна сила воли. Став профессиональным студентом, вы рано или поздно столкнетесь с моментами, когда учеба начнет надоедать. Нужна сила воли — без нее ничего не получится. С одной стороны, это звучит довольно диалектично: без интереса хорошо учиться невозможно, а высокие оценки без интереса — это фальшивка.

Это бесполезно, потому что вы сразу поставите точку, больше этим не займетесь и будете ждать, пока все забудется. Но даже при наличии интереса без капли силы воли тоже ничего не получится. Роль силы воли ещё раз подтверждает: чтобы добиться успеха в чём-либо, одного интеллекта недостаточно, не стоит слепо верить в интеллект. Интерес и сила воли — это факторы, выходящие за рамки интеллекта. В китайском образовании иногда не уделяется должного внимания развитию факторов, не связанных с интеллектом и знаниями, таких как интерес и сила воли. Поэтому люди, которых в итоге воспитывают, оказываются в некоторой степени неполноценными. Люди, занимавшиеся спортом, как правило, обладают очень сильной силой воли. Хотя спорт и интеллектуальное образование различаются, оба требуют высокой концентрации. Спорт, по сути, является тренировкой самоконтроля. Некоторые спортивные упражнения способствуют всестороннему развитию личности. Впоследствии перенесение этой способности в интеллектуальную сферу также будет весьма значимым. Однако мы не придаем этому должного значения, а односторонне ориентируемся на академические оценки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.